

Хозяин мероприятия легонько кашлянул, призывая гостей к тишине.

— Уважаемые господа, темой сегодняшних стихотворных пар станут числа. Правила первого раунда таковы: в течение получаса выберите числа от одного до десяти — можно все или только некоторые — и составьте рифмованные строки. Те, кто справится, пройдут дальше.

Закончив речь, он ударил в медный гонг, и отсчёт времени начался.

В зале тут же поднялся шум. И литераторы, и молодые аристократы принялись складывать свои двестишя. Некоторые, поняв, что у них ничего не выйдет, сдались и отправились пить вино и веселиться с девушками.

Спустя некоторое время из толпы вышел молодой человек приятной наружности. С белоснежным лицом он уверенно произнёс:

— Верхняя строка: два, три, четыре, пять.

Нижняя строка: шесть, семь, восемь, девять, десять.

Надпись: «Не хватает одежды и еды».

Некоторые в зале зааплодировали, другие же рассмеялись, насмехаясь, что у парня и впрямь «не хватает одного до десяти».

Миг спустя по залу прокатился громкий голос:

— Ученик считает балки: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Учитель толкует судьбу: Цзя, И, Бин, Дин, У, Цзи, Гэн, Синь, Жэнь, Гуй.

Говорил мужчина в белом халате с ясным взором и острыми, как мечи, бровями, помахивая чёрным бумажным веером.

Рядом с ним стоял высокий и статный молодой человек в пурпурном халате, который тут же подхватил:

— Одинокый корабль, два купца, три, четыре, пять, шесть гребцов, подняли семь или восемь парусов, спустились по Цзюцзяну, а впереди ещё десять ли.

Едва он умолк, зал взорвался аплодисментами. Эти двое действительно хорошо справились.

— Хорошо, но не хватает огонька, — раздался мужской голос.

Тот мужчина с перьевым веером поднялся с наньмуовой скамьи. Его чёрные, как обсидиан, волосы были аккуратно собраны шёлковой лентой, а на нём красовался роскошный пурпурный халат из мягкой парчи.

Он слегка улыбнулся, глядя на молодого человека в белом:

— Десять ли вдалеке, девять ли благоухают, корабль под номером восемь-семь-шесть-пять, хоть и идёт старым путём три-четыре года, всего два дня, но словно целый год.

Когда Сяо Хэ и Фан Цзинь вошли в Терем Древнего Журавля, там уже царила атмосфера веселья и роскоши.

Хотя Фан Цзинь был по натуре ветреным, в нём всё же теплилась искра литературного таланта. Они сидели в главном зале, ожидая начала состязания в составлении пар, назначенного на час Сюй. Первым выступил тот юноша с белоснежным лицом и надписью «Не хватает одежды и еды». Его мастерство нельзя было назвать плохим.

Затем свою строку предложил Сяо Хэ, и Фан Цзинь последовал за ним. Однако мужчина с перьевым веером действительно удивил его. Так мгновенно ответить на его строку — это был настоящий талант.

Признать пришлось, хоть и не хотелось!

Несколько человек прошли во второй раунд — сочинение пар на ходу.

Женщина на втором этаже предложила первую строку:

— Зелёные поля, синее небо — на тысячу ли красоты.

Все задумались.

Юноша с белоснежным лицом произнёс:

— Алые клёны, разноцветные облака — десять тысяч гор в багрянце.

Сяо Хэ тут же откликнулся:

— Красные сливы, белый снег — две горы в сиянии.

Фан Цзинь, не желая отставать, сказал:

— Жёлтый песок, белое солнце — десять тысяч лет протяжённости.

Мужчина с перьевым веером, не торопясь, стоял в стороне, улыбаясь:

— Господа, вы и впрямь преисполнены учёности.

Затем он повернулся ко второму этажу, словно обращаясь к невидимой собеседнице:

— Девушка, раз вы предложили строку «Зелёные поля, синее небо — на тысячу ли красоты», должно быть, вы также сведущи в канонических текстах.

Мужчина слегка помахал веером, раздумывая, а затем продолжил:

— В горах Фо Ло навевает новую печаль.

Вскоре дверь на втором этаже открылась, и мужчины, распивавшие вино, подняли шум.

Хозяйка, облачённая в красное полупрозрачное платье, с тонкой талией и покатыми плечами, плавно вышла из покоев. Её мягкие, чёрные как смоль волосы рассыпались по плечам. Она оперлась на деревянные перила, окинув взглядом гостей внизу. Её взгляд скользнул мимо Фан Цзиня и прочих, остановившись на мужчине с перьевым веером.

Увидев это, мужчина тут же сложил веер и, сложив руки, совершил почтительный поклон:

— Для Тао большая честь наконец лицезреть прекрасный облик госпожи Фо.

Фан Цзинь, стоя рядом, почувствовал досаду. Он сожалел, что обычно слишком предавался праздности. Вот она — истина: когда нужны знания, понимаешь, как мало их у тебя! Он подумал, что будь здесь его пятая сестра, этому мужчине не удалось бы так затмить всех!

Поздней ночью в покоях хозяйки мужчина по фамилии Тао сидел у массивного мраморного стола, не сводя глаз с Фо Ло. Комната была наполнена ароматом, от которого у него слегка закружилась голова и захотелось немедленно приблизиться к женщине в красном платье, но в следующий миг она остановила его.

Мужчина взглянул с недоумением, и она заговорила:

— Господин Тао, неужто вы полагаете, что, оставшись со мной наедине, можете позволить себе вольности?

Её взгляд был холодным и бесстрастным.

Тогда мужчина осознал: возможность провести ночь с хозяйкой не означает, что эта женщина принадлежит ему.

Трудно сказать, то ли таверна с самого начала подстроила эту ловушку, то ли все просто неправильно истолковали ситуацию. Подумав, мужчина словно протрезвел и оставил любые неподобающие мысли.

Фо Ло подошла к окну, где на деревянном столе стояла пипа. Не говоря ни слова, она уселась рядом с инструментом, и её тонкие пальцы начали мягко касаться струн. Пипа тут же зазвучала чисто и звонко, словно жемчужины, скатывающиеся по блюду, или журчание родника. Мелодия постепенно ускорялась, и казалось, исполнительница стремилась что-то выразить.

Мужчина сидел рядом и слушал. Почему-то ему почудилось, что музыка выражает тоску по кому-то. В ней слышались отголоски строк: «В ночь разлуки в Красном тереме — томление, / Благовонный светильник, полураскрытый полог с кистями».

Когда мелодия закончилась, мужчина с перьевым веером не смог сдержать аплодисментов.

— Госпожа Фо, когда вы играли эту мелодию, о ком вы вспоминали?

В глазах Фо Ло мелькнул какой-то отсвет, но она не ответила.

— Господин Тао, сегодняшнее состязание в парных строках, как вы, должно быть, понимаете, было лишь формальностью. Теперь уже поздно, за дверью вас проводит слуга.

Мужчина хотел задержаться, но, видя, что хозяйка уже дала понять, что ему пора, с сожалением попрощался.

Когда он встал, нефритовая подвеска, хранившаяся в складках его одежды, со звоном упала на мраморный стол. Мужчина не придавал этому значения, поднял подвеску и собрался уйти.

На прощание он молвил:

— Госпожа Фо, я, должно быть, побеспокоил вас. Сегодня я не стану задерживаться, но надеюсь, мы встретимся вновь.

От момента, когда подвеска упала, до того, как он убрал её в карман, прошло всего несколько

секунд, но это не ускользнуло от взгляда Фо Ло.

Она поднялась и сказала человеку за дверью:

— Фэн Чэнь, проводи гостя.

****Встреча музыкантов****

Едва мужчина по фамилии Тао ступил за порог Терема Древнего Журавля, его тотчас встретил человек, который низко склонился в почтительном поклоне и проводил до роскошной кареты.

Внутри кареты сидел мужчина средних лет с тонким, почти что евнушьим голосом. На его лице читалось подобострастие:

— Ваше высочество, Терем Древнего Журавля оказался занятым?

Мужчина по фамилии Тао рявкнул:

— Не называй меня «высочеством»!

Евнух тут же задрожал и поспешил исправиться:

— Простите, третий наследный принц! Я впрямь глуп!

Мужчина с раздражением на лице лягнул его ногой:

— Сколько раз я говорил — не называй меня так! Меня зовут Тао Чжэн, зови меня господином Тао и не вздумай переименовать! Если в следующий раз ошибешься, больше не сопровождай меня за пределы дворца!

Евнух наконец уразумел, что хозяин не был в истинном гневе, и тут же вернул своему лицу льстивое выражение.

Тао Чжэн сидел в карете, погружённый в раздумья. Будучи третьим наследным принцем при нынешнем дворе, каких только женщин он не видывал. И всё же сегодня именно Фо Ло пробудила в нём интерес. Её внешность была превосходна, а ещё в ней чувствовалась некая тайна, что разожгла в его груди жажду покорения.

Вспомнив, как она, хоть и холодно, но не отвергла его приглашение встретиться вновь, он почувствовал некоторое самодовольство. Но затем взял себя в руки: всему своё время, не стоит торопиться.

Три дня спустя объявление на городской доске вызвало переполох во всём городе. И знать, и купцы, и простолюдины, и учёные — все принялись судачить: талантливая девица из Цзяннани Фан Мяожань обручилась с третьим наследным принцем нынешнего двора! Свадьба через три месяца! Истинно: жених — талант, невеста — краса, пара достойная друг друга.

Прошло ещё почти полмесяца, прежде чем Фан Цзинь вернулся домой. Старший господин Фан не слишком жаловал своего сына — не то чтобы вовсе не любил, но считал его слишком легкомысленным и недостойным потомка учёного рода. Фан Цзинь же нимало не заботился об этом. Первым делом, едва ступив во владения, он отправился к Фан Мяожань и увидел, как та в заднем саду перебирает струны пипы. От изумления у него чуть челюсть на пол не упала.

Он-то хорошо знал свою сестру. Хотя в народе её и прославляли, мол, и цинь, и го, и

каллиграфия, и живопись — всё ей подвластно, разве он, Фан Цзинь, не ведал истины? Его сестра обладала великим даром к стихам и каллиграфии, но вот в музыкальных ладах была полной невеждой.

Посему, когда Фан Цзинь увидел, как его сестра пытается играть на пипе, это было словно солнце взошло с запада.

Не в силах постичь причину, он навёл справки и узнал: оказывается, она готовится к замужеству и потому вынуждена учиться игре на пипе. На прекрасном личике Фан Мяожань застыла печаль, её бело-розовые щёки готовы были сморщиться от усилий.

Фан Цзинь подскочил к Фан Мяожань, уселся на перила и, глядя на её неуклюжие потуги, насмешливо ухмыльнулся.

— Пятая сестрёнка, не горюй! Я порекомендую отцу настоящего мастера игры на цине и пипе, пусть тебя поучит. Обязательно будет прогресс!

Словам Фан Цзиня Фан Мяожань, конечно же, не придавала значения. Сколько раз он давал подобные обещания, а потом тут же о них забывал.

<http://bllate.org/book/16259/1462756>